

УДК 378.02+1.14+159.9

Л.В. Нургалеева

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ ЛАБОРАТОРИИ Б. ЛАТУРА В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Обсуждаются особенности сетевой организации знаниевых структур в процессе коммуникации. В качестве рабочей модели выбрана концептуальная схема Б. Латура.

Ключевые слова: сетевая методология, медиативные практики коммуникации.

Эффективная организация обмена знаниями входит в спектр основных задач когнитивного менеджмента. Она включает в себя решение проблем управления изменениями. Одной из серьезных задач в области управления изменениями является разработка методологии исследования процессов, обусловленных разрастанием мира символических посредников как реальности особого типа, замещающей собою опыт непосредственного чувственного восприятия. Изучение медиативного контекста общения является вопросом обобщения разнонаправленных векторов опыта социального управления, к числу которых относятся и практики когнитивного менеджмента. В данной работе для рассмотрения выбраны сетевые модели разных уровней, позволяющие показать особенности реализации интердисциплинарного подхода в современной коммуникативной онтологии. При всем своеобразии рассматриваемых сетевых моделей они имеют одну общую исследовательскую платформу, позволяющую разносторонне исследовать вопросы, связанные с определением эпистемического статуса медиумов коммуникации. Этот аспект является важным звеном практик моделирования изменений, требующих свободного совмещения контекстов содержательно далёких дисциплинарных направлений.

Решению проблем управления изменениями в рамках теории практик посвящены работы известного французского социолога Б. Латура [1–5]. Он построил гетерогенную сетевую модель для описания процессов структуризации социального пространства. Методология теории практик представляет собой интересный образец рефлексии, построенной на разработке проблематики медиального. В контексте теории практик никакие «новые» способы воздействия на общество невозможны. Мы имеем дело лишь с рекомбинацией известных и широко применяемых методик, позволяющих перестроить структуру собственного опыта, определить границы новой мобилизации сетей, включая и сети интеллектуальные. В основу социальной инженерии полагаются следующие принципы: отказ от четкого плана перемен и претензий на глобальную реформу общества. Б. Латур проводит рефлексивную реконструкцию условий обмена знаниями. Он стремится к последовательному связыванию всех изменяемых позиций в новую конфигурацию, тем самым открывая, по его мнению, дорогу поиску форм эффективного управления социальными изменениями. Особенностью теоретического построения Б. Латура является включение элементов медиальной рефлексии, направленной на анализ и оценку статуса медиумов коммуникации в фор-

мировании пространства синтетических способов освоения действительности. Для построения концептуального каркаса используется понятие «лаборатория» [3, 4]. Она определяется как поле автономных экспериментальных практик, расширяющих свои границы и постепенно охватывающих собой все сферы социального, превращаясь в безотказный инструмент властвования. Исследовательская задача Б. Латура заключается в изучении эпистемического статуса медиумов коммуникации.

По мнению Б. Латура, общий социальный мир и сама возможность его развития задаются со-присутствием гибридов-актеров, коммуницирующих друг с другом и принимающих на себя определенные обязательства. Он признает, что человеческое общение обусловлено изменчивостью топологии социальных процессов, определяемой распределением ролей, действий, компетенций. Однако сетевая модель Б. Латура опирается на представления социологии вещей [5]. Именно вещи рассматриваются как узловые точки социальных сетей. Их бытие признается объективно общественным по той причине, что в отрыве от сферы коллективных взаимодействий вещь просто не работает. Внедрение вещей в коммуникационную структуру социальных сетей, по мнению Б. Латура, оправдано тем, что они организуют действия людей, вызывая перестройку практической деятельности и перегруппировку ее участников. Стремясь определить источник растекающейся территориальности лаборатории, Б. Латур показывает, что обращение с вещами задает коммуникации некую принудительную логику: вещи требуют приспособления к их поведению, они определенным образом организуют внимание людей и встраиваются в пирамиды ценностных отношений.

Предлагаемая гетерогенная модель сетевого взаимодействия является одним из примеров концептуального построения, где пристальное внимание уделяется способам связи и характеристикам отношений. Основные преимущества подобной сетевой модели, по мнению Б. Латура, связаны с возможностью выявления интенсивностей формирования коммуникационных ансамблей – временно устойчивых соединений, возникающих по ходу коммуникации. Их генерация является процессом, сопутствующим становлению практик свободного экспериментирования. Некоторые из коммуникационных ансамблей могут доминировать, а другие находиться в пассивном состоянии. Их изучение является неотъемлемым элементом поиска форм эффективного управления социальными изменениями. Релятивность коммуникационных отношений представляет собой максимальную объективность, по мнению Б. Латура. Она оправдана тем, что объективность обусловлена не субъективным взглядом наблюдателя, а многозначной природой описываемого. В том числе и многозначностью описания вещей.

В качестве примера формирования гетерогенной сети Б. Латур избирает науку. Он показывает, что разные форматы со-общения акторов научной сети позволяют описаниям изменять реальность, обеспечивая переход от одной точки зрения к другой и создавая возможность преодоления ограниченной позиции наблюдателя. Функционирование научной сети основано на способности делать известное одному видимым для других. Статьи, цитаты, списки публикаций, выступления на конференциях – все это средства убеждения и

интеллектуальной мобилизации сети новых участников – сторонников, оппонентов, где гибриды-вещи занимают свое самостоятельное место.

Можно ли признать гетерогенную сетевую модель Б. Латура достаточно полной? Если в качестве приоритета исследования выбирать изучение природы медиальных отношений, складывающихся в процессе социальной коммуникации, в том числе и возникновение изменений под напором расширяющегося пространства практик экспериментирования, то нужно отметить, что социологическая модель Б. Латура описывает ограниченный спектр сетевых взаимодействий, элиминируя значимость символических отношений в обществе и порождающих их процессов. Для исследования вопроса о расширении территориальности лаборатории с точки зрения онтологии коммуникации важным дополнением, на наш взгляд, могут явиться идеи М. Мамардашвили [6]. Он исходил из того, что источником изменений субъекта, позволяющим извлекать информацию, является движение. Стремясь возвыситься над потоком случайностей, человек создает связанности полей наблюдений, которые оформляются структурно, в том числе и благодаря изменению способов связанности их элементов. К числу средств, поддерживающих связанность полей наблюдений, можно отнести все разнообразие систем медиальных опосредований. Порождающим фактором в их развитии выступает то, что опыт представляет собой форму неполноты действия, но вместе с тем он составляет реальную часть действительности и определяет конечность процессов наблюдения. Это делает необходимым выбор специальных средств формирования полей развертки и развития знания, допускающих корреляцию оценок объектов наблюдения всеми наблюдателями. Символическое при этом представляет собой форму упаковки множественных, хаотичных наблюдений, зависимостей и концептуальных манифестаций в свернутые структуры. Обращает на себя внимание тот факт, что М. Мамардашвили совершенно иначе описывает сущность вещи, концентрируясь на её символической природе как медиума коммуникации. «Плоскость рефлексивных эквивалентов» производит третьи вещи – символические явления, которые включают в себя производящее отношение (часть картины мира)» [6. С. 188–195]. Символ рассматривался М. Мамардашвили как целостный «пространственно-временной индивид» со свернутой функцией рефлексивности, задающий динамику изменений социальных процессов.

Как мы видим, концептуальное воплощение идеи расширения территориальности лаборатории может быть изменено, если принять во внимание, что медиум коммуникации социально символизирует собой ментальную познавательную деятельность. Он вносит изменения в саму организацию мышления и феноменально обеспечивает стимуляцию процессов, поддерживающих рефлексивную активность. Г. Хакен в описании медиальной сущности коммуникационных процессов опирается на анализ взаимодействий внутреннего и внешнего, вызывающего появление новых параметров порядка как в сфере индивидуального, так и в сфере коллективного. Он вводит понятие «интерпрезентационные сети» для описания процессов, связанных с формированием такого коллективного потенциала развития, как знания. Г. Хакен указывает на принципиальную роль внешней репрезентации в динамике коллективных когнитивных процессов: «Как только когнитивная конструкция какого-

нибудь лица становится внешним элементом его интеррепрезентационной сети, эта конструкция приобретает статус публичного достояния. Иначе говоря, другие лица могут использовать её в различных целях, в том числе и в качестве элемента своих интеррепрезентационных сетей...» [7. С. 303].

Рефлексивные процессы выполняют функции связывания информационных потоков, позволяя сопрягать элементы разных систем идентификации и формируя общности смыслов на основе intersubjectивной деятельности. К. Прибрам вводит в употребление термин «рефлексивные сети» [8. С. 135]. Они представляют собой сложные уровневые активационные процессы, интегрирующие разные аспекты коммуникационного взаимодействия. Рефлексивные сети могут рассматриваться одновременно как феномен психической жизни и как объект социальной адаптации. Неоднородность их структуры, возникающая благодаря структурному разнообразию восприятия, эмоциональной реакции, мышления человека, является самостоятельным источником изменений. В. Паули рассматривает этот процесс как психофизическую действительность, которая конституирует объединение коллективного, психоматерии глубинных корней внутреннего мира человека с внешним миром [9].

Итак, поиск эпистемологически релевантных средств оценки и восприятия изменений предполагает применение интердисциплинарного подхода, основанного на гибком сопряжении смыслов, заложенных в основе разных концептуальных схем и подходов. Выбор сетевой модели для исследования источников расширения территории экспериментирования в обществе провоцирует к изучению разных измерений онтологии коммуникации. Анализ процессов медиаопосредования занимает важное место в современных исследовательских практиках. Совмещение разных сетевых моделей позволяет показать, что источником разнообразия форм коммуникации выступает рефлексивная активность человеческого мышления, специфика его онтологической позиции в мире. Глубинным стимулятором изменений, порождающих разнообразие форм дискурсивной объективации, концептуализации сущего, сопутствующего экспериментаторской направленности человеческой деятельности, выступают рефлексивные процессы.

Литература

1. Бронзино Л.Ю., Курмелева Е.М. Предмет и методы социального познания: версии Бруно Латура и Никласа Лумана // Экономика. Социология. Политика. 2008. № 2. С. 8–11.
2. Кошечев Э.Б. Социология науки и наука социологии Бруно Латура. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tt.pstu.ru/mnp10/mnp10/s10/Koscheev.htm> (дата обращения: 12.09.2012).
3. Латур Б. Лаборатория. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf> (дата обращения: 12.09.2012).
4. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6. С. 211–242.
5. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
6. Мамардашвили М. Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). М.: Языки русской культуры, 1996. 304 с.
7. Хакен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Per Se, 2001. 351 с.
8. Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
9. Гроссман Э. А. Философские взгляды Вольфганга Паули // Философия и культура. 2008. № 1. С. 148–155.